

На каменном столе в павильоне Цуйвэй стояло несколько скромных закусок. Поскольку хмельное было под запретом, в чашах у всех плескалась лишь простая вода.

Вокруг него собралось восемь человек: Цзян Хуай, Чжоу Чэньюань, Ло Иншу, Дун Цицай, Фан Цзиньян, Чэнь Цзыфан, Чжан Вэньхай и Чу Цы. Они вели оживлённую беседу, заменяя вино водой.

Цзян Хуай, Чжоу Чэньюань и Ло Иншу уже были знакомы с Чу Цы и весьма ценили его как человека. Дун Цицай пригласил Ло Иншу, и, не зная остальных, он держался немного скованно.

— Уважаемые соученики, сегодня мы собрались здесь, чтобы основать наше объединение, — начал Чэнь Цзыфан, взяв на себя роль ведущего, поскольку именно он был инициатором встречи. — Пока нас всего восемь. Итак, кто же предложит имя для нашего кружка?

Тот прежде учился в областном центре, где всевозможные учебные общества были в большом почёте, а их члены поддерживали куда более тесные отношения, чем остальные ученики. Приехав сюда и не обнаружив ничего подобного, юноша загорелся идеей создать собственную организацию. Однако поначалу у него было мало знакомых, и лишь теперь, когда набралось достаточное число единомышленников, он смог осуществить замысел.

— А давайте назовём его «Общество талантливых мужей»? — предложил Чжан Вэньхай. — Смотрите, все мы — известные таланты. Только представьте, как нам будет завидовать!

На лицах присутствующих отразилось неподдельное страдание. С подобным наименованием им лучше было бы и вовсе на людях не показываться.

— Разве плохо? По-моему, звучит отлично, — не унимался он и с надеждой посмотрел на Чу Цы, ожидая поддержки.

— Хе-хе, — тот деликатно уклонился от взгляда приятеля, — давайте всё же выслушаем и другие предложения.

Тут же посыпались самые разные варианты, но ни один не получил всеобщего одобрения. Наконец, Фан Цзиньян сказал:

— Давайте назовём его просто «Учебное общество Юаньшань». Всё остальное — слишком вычурно.

— Точно! — подхватил Чжан Вэньхай. — Так все сразу поймут, откуда мы. Краткость и ясность — это ведь тоже хорошо.

Остальные переглянулись, мысленно прикидывая вариант. Ничего лучше на ум не приходило,

и они согласились. Пусть будет «Учебное общество Юаньшань».

Чу Цы вдруг вспомнил одну фразу и произнёс:

— Сегодня я горжусь Юаньшанем, а завтра Юаньшань будет гордиться мной.

Слова эти отозвались в сердцах собравшихся волной воодушевления, и название, показавшееся поначалу простым, вдруг обрело глубину.

— Отлично! — объявил Чэнь Цзыфан. — Значит, решено. Теперь нам нужно выбрать главу и его заместителя. Кто желает возглавить нас?

— Раз уж это была ваша идея, брат Чэнь, то вам и быть главой. Будущие собрания и встречи будут проходить под вашим руководством.

Ведущий загадочно улыбнулся:

— Если бы речь шла о должности заместителя, я бы без колебаний её принял. Но на место главы у меня есть куда более достойный кандидат.

Все переглянулись и, как по команде, устремили взгляды на Чу Цы.

— Я опоздал на первое же собрание, какое из меня может быть глава... — поспешил отказаться юноша.

— Эх, брат Чу, к чему такая скромность? Как говорится, кто из нас безгрешен? Главное — впредь не повторять ошибок. Просим вас принять этот пост.

— Если уж человек, удостоенный звания «Добродетельный и честный», не может стать главой, не значит ли это, что мы слишком много на себя берём? Соглашайтесь!

Чу Цы хотел было возразить, но его усадили на место, и ему ничего не оставалось, как смириться.

Так был определён состав «Учебного общества Юаньшань».

Раз дело было сделано, собравшиеся перешли к обсуждению первого вопроса. Его предложил Чжан Вэньхай. Листая сегодня позаимствованный сборник образцовых сочинений, он наткнулся на тему из раздела «Четверокнижие», которая была на столичном экзамене в год Гэн-инь: «Если должным образом провожать умерших и чтить память далёких предков, то нравы в народе будут улучшаться».

Вопрос произвёл на него сильное впечатление, потому он и озвучил его первым, и все согласились.

«Должным образом провожать умерших» означает почтительно относиться к похоронам родителей. «Чтить память далёких предков» — уважать и помнить ушедших. У народа, который следует этим правилам, непременно будут чистые и высокие нравы.

Для раскрытия темы следовало, во-первых, процитировать первоисточник — «Четверокнижие» — или комментарии к нему, составленные Чжу Си или другими великими учёными.

— Всякое благо начинается с сыновней почтительности, — первым высказался Цзян Хуай.

— Почитание и уважение — неотъемлемые качества, — добавил кто-то ещё.

По тому, как они раскрывали тему, было видно, что все присутствующие — прилежные ученики, глубоко понимающие суть канонов и способные с одной короткой фразы начать развёрнутый анализ.

Чу Цы, немного поразмыслив, предложил свой вариант:

— Должным образом провожать усопших — значит совершать похоронные обряды с предельным почтением. Чтить память предков — значит приносить жертвы с предельной искренностью.

Ло Иншу хлопнул в ладоши в знак восхищения:

— Bravo, брат Чу! «Совершать обряды с предельным почтением, приносить жертвы с предельной искренностью» — как хорошо сказано! Это прекрасное раскрытие темы. Оно и продолжает мысль, и объясняет её суть, и не впадает в банальность. Давайте используем это!

Не успел он договорить, как Дун Цицай уже расстелил бумагу и быстрым движением кисти вывел на ней тему и фразу, предложенную Чу Цы.

Затем началось обсуждение основной части сочинения. Одни говорили о древних похоронных ритуалах, сравнивая их с современными и рассуждая о разнице в мировоззрении предков и современников. Другие, отталкиваясь от сыновней почтительности древних мудрецов, связывали дух народа и общественные нравы с идеей, заключённой в теме экзамена.

Так, незаметно для них самих, родилось целое сочинение. Глава и Чэнь Цзыфан вместе обсудили его, исправили некоторые неудачные места, а затем передали текст Чжоу Чэньюаню и Чжан Вэньхаю, чтобы те сделали несколько копий для хранения.

Ночь перевалила за половину, но все были полны сил. Совместная работа доставила им огромное удовольствие. Лишь когда на обход с фонарём вышел один из преподавателей, молодые учёные, обменявшись поклонами, разошлись по своим комнатам.

Тем временем в училище появилось ещё одно общество, основанное Ци Сюем по примеру товарищей Чу Цы. В нём состояло куда больше народу — человек двадцать. Хотя кружок Чу Цы и недолюбливал Ци Сюя, тот, будучи первым учеником класса Цзя и обладая обходительными манерами, привлекал к себе множество последователей. Все они почитали за честь находиться рядом с ним.

— Этому сколоченному на коленке кружку далеко до нас, и в силе, и в числе! — самодовольно посмеивался кто-то из них.

Остальные вторили ему смехом.

***

Наступило пятое число четвёртого месяца, канун ежемесячного экзамена.

Четвёртое число было днём праздника Цинмин, который в древности также называли Праздником холодной пищи. В этот день было принято отправляться за город, чтобы почтить память предков, выразить им уважение и предаться скорби.

На следующий день уездное училище предоставляло выходной, который как раз компенсировал отменённый выходной в дни новолуния и полнолуния первого числа.

Ещё до рассвета ворота училища отворились, и многочисленные ученики отправились по домам.

Чу Цы и Чу Сяююань ехали в деревню Чанси в экипаже, присланном управляющим Сюем. Когда они добрались до дома, небо только-только начало светлеть. Матушка Чу уже сложила в корзину целую гору ритуальных слитков-юаньбао и приготовила всё необходимое для жертвоприношения.

Старший брат Чу и Шэнь Сюнян тоже ждали их. Увидев, что Чу Цы и племянник приехали, старший брат взвалил на плечи два коромысла с подношениями и направился к горе. Чу Цы и Чу Сяююань, взяв по небольшой ноше, последовали за ним.

Дед их был беженцем, поэтому предков, которых им предстояло почтить, было немного: лишь дед, бабушка и отец.

Ранним утром они шли по горной тропе. Деревья по обеим сторонам были влажными от росы, и капли то и дело срывались на одежду. Наступила весна, и повсюду яркими пятнами цвели

рододендроны — зрелище было поистине прекрасным.

Древние относились к таким дням с величайшей серьёзностью. Лица людей были полны скорби, никто не смел говорить громко или улыбнуться. Даже дети, заразившись этой атмосферой, молча и с отсутствующим видом плелись за взрослыми.

Один лишь Чу Цы, шагавший среди них, выделялся — на его лице играло расслабленное выражение. Последние дни он безвылазно провёл то в училище, то у учителя Сюя, и давно не бывал на природе. Он с удивлением обнаружил, что такая прогулка удивительно поднимает настроение.

Это выражение лица не укрылось от учителя Чжана. Он хмыкнул и проворчал что-то о неуважении к старшим.

«Если это дойдёт до других, быть беде»

Чу Цы мысленно предостерёг себя и тут же принял серьёзный вид.

— Дело не в том, что я не уважаю старших. Напротив, я считаю, что именно такое поведение и есть высшее проявление уважения. Кто эти люди на горе? Наши старшие, наши предки. Издревле старшие желали лишь одного — чтобы их потомки жили в счастье и радости. Если мы придём к ним с такими лицами, разве предки не подумают, что мы несчастны в своей жизни? Не лучше ли выглядеть беззаботными, чтобы они увидели наше благополучие и обрели покой?

Окружающие прислушались и нашли в его словах здравый смысл. Недаром говорят — учёный человек. Учитель Чжан снова хмыкнул, но возразить не смог — не скажешь ведь, что предки желают потомкам горя. Опираясь на руку домочадца, он зашагал быстрее. Люди, видя, что он замолчал, решили, что он согласился с доводами Чу Цы, и перестали напускать на себя скорбный вид. Особенно расслабились дети.

Три могилы семьи Чу располагались рядом. Первой они подошли к могиле деда.

Небольшой земляной холм, из которого торчал деревянный столбик. От ветра и дождей надпись на нём почти стёрлась. Семья Чу всегда жила бедно, а каменное надгробие могло стоять лян серебра или даже больше. Похороны и без того требовали больших расходов, откуда же было взяться деньгам ещё и на памятник?